

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 85–126.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 85–126.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

EDN RQJWBR

Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864)

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия;
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Amiran T. Urushadze

Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia;
European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Аннотация. Статья посвящена определению места и особенностей репрезентации Кавказской войны в российской публичной сфере XIX в. Рассматриваются причины периферийного характера дискуссий о Кавказской войне, среди которых выделяются проблемы путей коммуникации с далекой южной окраиной, увлеченность российского общества европейскими новостями и дефицит «кавказских» сообщений в российской печати. Подчеркивается роль русской романтической литературы о Кавказе, которая сформировала влиятельные образы края и его населения. В статье показано, что динамика публичного обсуждения Кавказской войны и связанных с ней вопросов имперской политики на южной окраине прямо зависела от изменения правительственного курса. Масштабные перемены в административном управлении регионом, назначение на ответственные должности популярных публичных фигур активизировали общественное внимание. Формулируется вывод, что различные официальные акторы использовали российскую публичную сферу как неформальное пространство политической конкуренции.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказская война, публичная сфера, кавказский наместник

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00649, «Формирование публичной сферы в России второй половины

© Урушадзе А.Т., 2024

© Urushadze A., 2024

XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>).

Для цитирования: Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 85–126, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864)

Abstract. The article is devoted to determining the place and features of the representation of the Caucasian War in the Russian public sphere in the 19th century. The reasons for the peripheral nature of discussions about the Caucasian War are considered, among which the problems of communication routes with the far southern outskirts, the fascination of Russian society with European news, and the shortage of “Caucasian” news items in the Russian press are highlighted. The role of Russian romantic literature about the Caucasus is emphasized, which formed influential images of the region and its population. The article shows that the dynamics of public discussion of the Caucasian War and related issues of imperial policy in the southern outskirts directly depended on the changes in the governmental policy. Large-scale changes in the administration of the region, the appointment of popular public figures to responsible positions intensified public attention. The conclusion is drawn that various official actors used Russian public sphere as an informal space of political competition.

Keywords: Russian Empire, Caucasian War, public sphere, Caucasian viceroy

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00649 “Formation of the Public Sphere in Russia in the Second Half of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Communicative Practices and Channels of Social Interaction,” <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

For citation: Urushadze, A.T. “The Caucasian War in the Russian Public Sphere (1801–1864).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 85–126, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3>

Введение

В декабре 1848 г. чиновник кавказской администрации А.Л. Зиссерман (1824–1897) выехал по служебным делам «в Россию». Так военные и чиновники Кавказского края называли тогда путешествие во внутренние российские губернии. По известным мемуарам А.Л. Зиссермана, он проехал в Петербург через Екатеринослав и Житомир, а обратно на Кавказ вернулся через Киев и Одессу, Крым и Тамань. Одним из самых сильных впечатлений той поездки для А.Л. Зиссермана стало поразившее его безразличие российской публики к событиям на Кавказе:

Помню, как в то пребывание в России меня поразило отсутствие в русском обществе самых элементарных сведений о Кавказе; представления о нем были самые забавные. Конечно, мы всегда больше интересовались положением какой-нибудь Бразилии, чем своего отечества и неведение оправдывалось крайне ограниченным числом печатных известий и еще более ограниченным числом желающих читать, но все же казалось

странным, что люди, так называемого образованного класса, относились с полным равнодушием к окраине, бывшей уже полвека в руках России, содержащей там двухсоттысячную армию и приносившей громадные жертвы на борьбу с горцами, борьбу, казавшуюся бесконечной¹.

Мемуарное свидетельство А.Л. Зиссермана удивляет и сегодня. Действительно, на Кавказе к середине XIX в. успели послужить уже многие представители самых известных фамилий империи: Воронцовых, Барятинских, Гагариных, Голицыных. Там служил М.Ю. Лермонтов, бывал А.С. Пушкин, воевал и погиб А.А. Бестужев-Марлинский. Их произведения составили традицию «кавказских повестей», которая пользовалась популярностью у современников. Но петербургская публика была хорошо знакома с горцами не только по литературным сочинениям. В 1828 г. из представителей аристократических родов Северного Кавказа был сформирован Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, служивший при царском дворе.

Разумеется, о войне на Кавказе российское общество слышало и горцев из гвардейского полуэскадрона видело, но для понимания военно-политических задач империи в регионе и оценки трудностей, которые Россия пыталась преодолеть, т.е. для публичной дискуссии, этого было мало.

Основным местом обсуждения актуальных новостей в России первой половины XIX в. были светские салоны. Именно салоны как пространство неформального и равного общения выступали важной частью публичной сферы, которую, как писал Ю. Хабермас, образовывали двор и город². Публичная сфера состояла из тех, кто читал, говорил, слушал и смотрел, или, другими словами, – из читателей, зрителей и слушателей. В этом отношении салоны были универсальны: здесь обсуждали новости, читали новые литературные произведения, делились мнением о театральных представлениях. Как отметила О.С. Муравьева, «салон представлял собой сложную форму самоорганизации дворянской элиты, позволяющую объединить ее высокие интеллектуальные и художественные запросы с культом “элегантной жизни”»³.

Но перед тем как включаться в обсуждение определенной темы, необходимо получить сведения о событии, его героях и антигероях. В предлагаемой статье рассмотрено место и значение Кавказской войны в российской публичной сфере первой половины – середины XIX в. Эта исследовательская проблема

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. 1842–1851. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1879. С. 328–329.

² Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Ивановой. Москва: Весь мир, 2016. С. 82.

³ Муравьева О.С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // Литературный факт. 2022. № 4 (26). С. 140–182.

является многосоставной и включает несколько вопросов. Во-первых, через какие источники и информационные ресурсы российская публика узнавала о Кавказской войне? Во-вторых, каков был уровень осведомленности общества о военно-политическом противостоянии на Кавказе? В-третьих, как официальные власти влияли на публичную сферу?

Специальных работ, посвященных восприятию и обсуждению Кавказской войны в российской публичной сфере, историография не знает. В то же время, заметный историографический пласт составляют исследования, в которых проанализированы образы региона и темы Кавказской войны в российском общественном сознании XVIII–XIX вв.⁴, а также представления о Кавказе отдельных интеллектуалов⁵.

Изучение публичной сферы демаркируется от исследований «общественной мысли» и «общественного сознания» по нескольким параметрам. Предметом изучения выступают не только мнения и оценки выдающихся писателей и публицистов («властителей дум»), но вся информационная инфраструктура, в том числе периодические издания, правительственные манифесты и акты, салонные разговоры, публичные письма. Исследование публичной сферы предполагает анализ ситуации взаимодействия различных акторов, которые вступают в равную дискуссию по актуальной политической повестке. Наконец, изучать публичную сферу невозможно в отрыве от исторического контекста, который во многом определяет степень свободы высказывания («режим публичности») и результат общественного обсуждения («эффект публичности»)⁶.

Предлагаемая статья написана в диалоге с двумя наиболее фундаментальными и известными коллективными работами о проблемах публичного регистра русского языка и российской публичной сферы:

⁴ *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). Москва: Восточная литература, 2000; *Патракова В.Ф.* Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века // *Essequamvideri*. Вып. 2. Памяти Ю.И. Серого (1922–1986) / под редакцией А.В. Лубского, В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. С. 155; *Гатагова Л.С.* Образ Кавказа в русском общественном сознании (XVII–XIX вв.) // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)* / под редакцией В.В. Трепавлова. Тула: Гриф и К; Москва: Институт российской истории РАН, 2011. С. 153–199.

⁵ *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017; *Сулаберидзе Ю.С.* Восприятие Кавказа декабристами: культурный тип декабриста на Кавказе // *Исторический курьер*. 2020. № 6 (14). С. 53–71.

⁶ *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России* / составители Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 50–52.

«Синдромом публичной немоты» и «Несовершенной публичной сферой»⁷. В статье предпринята попытка, с одной стороны, проблематизировать идею сознательной политики имперских властей, которые стремились не допустить возможность социального диалога, а с другой – показать структурную нормальность российской публичной сферы.

Основная часть

Кавказская война, как и все проблемы интеграции южной окраины империи, долгое время находилась на периферии правительственной политики и внимания российского общества. При этом, по справедливому замечанию В.В. Лапина, информация о событиях на Кавказе распространялась в России четырьмя путями: «в письмах, в рассказах побывавших за Терекком и Кубанью, в материалах газет, а также на страницах книг и журналов»⁸.

Обсуждение вопроса о присоединении Восточной Грузии к державе Романовых растянулось в Государственном совете на полгода: с апреля по сентябрь 1801 г. Александр I сомневался в необходимости принятия нового владения в состав империи. Влиятельные сановники А.Р. Воронцов и В.П. Кочубей указывали, что «грузинский вопрос» отвлекал внимание императора от приоритетных задач внутреннего реформирования государства, «слишком уже обширного»⁹. И все же, большинство членов Государственного совета поддержали присоединение новой провинции. Отметим, что одним из аргументов в пользу присоединения стало донесение вице-президента Берг-коллегии А.А. Мусина-Пушкина о богатейших грузинских рудниках¹⁰. Впоследствии выяснилось, что эти и другие подобные сведения оказались сильно преувеличенными.

Присоединение Восточной Грузии потребовало выстроить с закавказским владением надежные коммуникации. Эта задача, в свою очередь, заставила Российскую империю обеспечить регулярный военно-политический контроль

⁷ «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / под редакцией Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. Москва: Новое литературное обозрение, 2017; Несовершенная публичная сфера.

⁸ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. С. 50.

⁹ Архив Государственного совета. Т. III. Царствование императора Александра I. 1801–1810 гг. Часть 2. Санкт-Петербург: Типография второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. С. 1200.

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. С. 514.

над территорией Северного Кавказа. Так присоединение Восточной Грузии стало «спусковым механизмом» Кавказской войны¹¹.

В начале XIX в. российская публика почти ничего не знала о Кавказе и многочисленных народах, проживавших в этом регионе. Имперские администраторы постоянно проговаривались соответствующим образом. Главнокомандующий российскими войсками на Кавказе в 1802–1806 гг. генерал П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 7 января 1803 г. сообщал, что «военной же карты Кавказской линии я и доселе не имею, поелику приводится еще к окончанию»¹².

Спустя пятнадцать лет легендарный «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов в письме к М.С. Воронцову от 29 декабря 1816 г. признавался:

Я в такой земле (на Кавказе. – А. У.), где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей¹³.

В это время (1815–1818 гг.) М.С. Воронцов командовал российским оккупационным корпусом во Франции, и А.П. Ермолов в их личной переписке постоянно подчеркивал, что он, в отличие от друга, находится на краю мира и никогда не сможет снискать славы бессмысленным трудом:

Я в стране дикой, непросвещенной, которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека¹⁴.

Как отмечали современники, достоверные новости о войне на Кавказе редко проникали за границы региона:

На линии, по крайней мере, говорили о тамошнем крае, но здесь счастливые и беспечные малороссиянки едва знают, что войска наши в Грузии, а еще менее, что несчастный этот край окружен войною,

– писал А.Х. Бенкендорф из Херсона в марте 1804 г.¹⁵ Человек, уехавший из российских столиц на Кавказ, считался для публики мертвым. «Никто из моих

¹¹ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. С. 24.

¹² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 15.

¹³ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / составители Я.А. Гордин и др. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2011. С. 29.

¹⁴ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. С. 36.

коротких знакомых обо мне не хватит, всеми забыт, ни от кого ни строчки», – жаловался А.С. Грибоедов в 1819 г. в письме к Н.И. Гречу, издателю-редактору журнала «Сын Отечества»¹⁶.

Внимание российского общества в начале XIX в. было сфокусировано на европейских новостях. Приход к власти во Франции Наполеона Бонапарта, а затем войны антинаполеоновских коалиций закономерно интересовали публику больше событий на Кавказе. Кроме того, по удачному выражению А.Н. Пыпина, именно на царствование императора Александра I пришелся «наплыв общественно-политических идей»¹⁷. Публика активно обсуждала вопросы государственного устройства, внутренних преобразований, искала ответы в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Еще одним фактором «публичной немоты» о Кавказской войне было состояние дорог. Единственной логистической артерией, связывавшей российские столицы и административный центр южной окраины Тифлис, была Военно-Грузинская дорога. Однако сделать эту дорогу надежным каналом коммуникации в первой половине XIX в. так и не удалось, несмотря на все старания имперской администрации. Движению почты, курьеров, грузов и войск препятствовали, в первую очередь, природные катаклизмы: лавины, камнепады, сходы сели. В 1808, 1817 и 1832 гг. проезд по Военно-Грузинской дороге по нескольку месяцев был заблокирован. О масштабах разрушений в 1817 г. можно судить по сообщениям главноуправляющего путей сообщения, известного инженера Ф.П. де Воллана, который писал А.А. Аракчееву 29 августа 1817 г., что находит возможным лишь поддерживать дорогу «в сносном состоянии, чтобы не прервать вовсе по ней сообщения»¹⁸.

Дефицит новостей непосредственно из региона российские газетчики и журналисты компенсировали некритическим заимствованием информации из европейской прессы. Это приводило к тиражированию откровенных выдумок, публикация которых в России вызывала недовольство «кавказских» чиновников и офицеров. В уже приводившемся выше письме А.С. Грибоедова есть и упрек в адрес столичной публики, слишком доверявшей непроверенным

¹⁵ А.Х. Бенкендорф – М.С. Воронцову. 5 марта 1804 г., Херсон // Архив князя Воронцова. Кн. XXXV. Письма графа А.Х. Бенкендорфа и С.Н. Марина. Москва: Университетская типография, 1889. С. 15.

¹⁶ Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса от 21 января 1819 года // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. II. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. Санкт-Петербург: Нотабене, 1999. С. 263.

¹⁷ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. С. 13.

¹⁸ О затруднениях сообщения между Грузией и Кавказской линией в виду разлития реки Терек, разрушившей мосты и дороги // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Раздел 1817 г. Д. 1983. Л. 1–3.

новостям: «... если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может называться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно»¹⁹.

Важнейшую роль в преодолении информационной блокады Кавказа играли ссыльные, в первую очередь декабристы. Но еще за месяц до выступления на Сенатской площади в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча были опубликованы «Отрывки о Кавказе» А.И. Якубовича. Он был переведен на Кавказ в 1818 г. за участие в качестве секунданта в дуэли А.П. Завадовского и В.В. Шереметева («четверная дуэль»)²⁰.

А.И. Якубович представил свой очерк по просьбе издателей «Северной пчелы» и, вероятно, передал его лично, так как в конце 1824 г. он получил отпуск и 1825 г. провел в Петербурге. Авторскую задачу А.И. Якубович видел в том, чтобы познакомить читателей «Северной пчелы» с «племенами Кавказа и образом их войны»²¹. Очерк состоит из двух частей. В первой автор сообщает сведения о двух этносах – карачаевцах и абадзехах, во второй – описывает военную повседневность.

Настоящим Колумбом истории Кавказской войны для российской читающей публики стал писатель-декабрист А.А. Бестужев (1797–1837). После активного участия в восстании на Сенатской площади его отправили в Роченсальмскую крепость на берегу Финского залива, а затем определили на поселение в Якутск, где он жил в 1828–1829 гг. Летом 1829 г. А.А. Бестужева перевели рядовым в состав Отдельного Кавказского корпуса. В 1830-е гг. кавказские повести А.А. Бестужева (под псевдонимом «Марлинский») печатались в столичных журналах «Московский телеграф», «Сын Отечества», «Библиотека для чтения»²².

Бестужевские сочинения имели громкий успех у публики. Один из современников писал, что они «тают в книжных лавках как моченый сахар... немногие книги идут так быстро»²³. Об успехе повестей А.А. Бестужева говорит и то, что в 1832 г. выходит пятитомное собрание его сочинений, однако, без указания имени и псевдонима²⁴. В прозе А.А. Бестужева образ Кавказа и Кавказской войны конструировался в соответствии с романтической

¹⁹ Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. II. С. 404.

²⁰ Декабристы. Биографический справочник / под редакцией М.В. Нечкиной. Москва: Наука, 1988. С. 209.

²¹ А[лександр]. Я[кубович]. Отрывки о Кавказе. (Из походных записок) // Северная пчела. 1825. № 138. С. 3–4.

²² Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. Санкт-Петербург: Наука, 1995. С. 618.

²³ Цит. по: Патракова В.Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века. С. 155.

²⁴ Русские повести и рассказы. Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1832.

традицией. Это производило большое впечатление на публику. Из воспоминаний А.Л. Зиссермана:

Мне было 17 лет, когда, живя в одном из губернских городов, я в первый раз прочитал некоторые сочинения Марлинского. Не стану распространяться об энтузиазме, с каким я восхищался «Амалат-беком», «Мулла-Нуром» и другими очерками Кавказа; довольно сказать, что чтение это родило во мне мысль *бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями* (курсив наш. – А. У.), неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетней головы, да еще у мальчика, с детства уже обнаруживавшего чрезвычайную склонность к ощущениям более сильным, чем обыкновенные школьные забавы²⁵.

Сходные чувства и мотивации испытывали и другие читатели кавказских повестей А.А. Бестужева, а в обществе было принято давать прозвища по именам героев «кавказских повестей». Так, например, молодых людей, проявлявших излишнюю пылкость и страстность, называли Аммалатами²⁶.

Произведения А.А. Бестужева и других романтиков создавали моду на Кавказ как на своеобразный «собственный Восток» Российской империи. Однако эта литература не могла стать точкой сборки публичной дискуссии. Основной функцией романтической литературы было развлечение. Попутно происходило конструирование ориенталистского образа Кавказа как страны благородных и странных дикарей. Красноречивую оценку этой традиции в конце 1860-х гг. дал российский исследователь региона и местных языков П.К. Услар (1816–1875):

В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, – тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать, сколько душе угодно, насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились «чему-нибудь и как-нибудь» в Петербурге, – сами всячески подделывались под Амалат-беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они казаться интересными, – иначе, что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах? Горцев не могли мы представить себе иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, – людей режущих направо и

²⁵ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). С. 7.

²⁶ Макаров Н. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь. Ч. I. Санкт-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1881. С. 108.

налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!²⁷

Цензура была милостива в отношении сочинений А.А. Бестужева, что можно объяснить их аполитичностью. Сам А.А. Бестужев надеялся на литературное признание и, видимо, рассчитывал также на социальную реабилитацию.

Но не все художественные произведения о войне на южной окраине империи были безопасны с точки зрения официальных властей. Публикация романа «Проделки на Кавказе» в 1844 г. вызвала заметный административный переполох и подставила под удар всех, так или иначе причастных к этому тексту. Автором романа была Е.П. Лачинова – жена генерала Н.Е. Лачинова, служившего на Кавказе в 1836–1840 гг. Судя по дневникам известной английской путешественницы Анны Листер, Е.П. Лачинова была хорошо известна в русском обществе Тифлиса и дружна со ссыльными декабристами, в том числе с А.А. Бестужевым²⁸.

Скрывшись под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов, Е.П. Лачинова опубликовала один из самых критичных текстов о Кавказской войне. В романе показаны многочисленные пороки региональной военной и гражданской администрации: мздоимство, nepotизм, казнокрадство, самодурство начальников. Один из главных героев «Проделок на Кавказе» – Александр Пустогородов, разжалованный в солдаты за участие в политическом заговоре и сосланный на Кавказ, где храбростью и распорядительностью возвратил себе офицерский чин и приобрел уважение сослуживцев. Именно Пустогородов формулирует в романе фундаментальные проблемы имперской политики на Кавказе, которые стоят на пути полноценной интеграции региона:

Первое из этих препятствий – различие веры, нравов и понятий; мы не понимаем этих людей, и они нас не понимают в самых лучших намерениях наших²⁹.

Согласно дневниковым записям А.В. Никитенко, военный министр А.И. Чернышев прочитал роман и ужаснулся. Вызвав к себе начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

²⁷ У[слар] П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. V. Народные сказания кавказских горцев. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 4–5.

²⁸ Хорошилова О.А. Джентльмен Джек в России. Невероятное путешествие Анны Листер. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. С. 315–317.

²⁹ Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. С. 131.

(СЕЙВК) Л.В. Дубельта, военный министр сказал: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда»³⁰. В конце мая 1844 г. Л.В. Дубельт сообщил министру народного просвещения С.С. Уварову, что в «Проделках на Кавказе» много «сомнительных мест, которые не должны быть передаваемы читающей публике»³¹. Книгу изъяли из книжных лавок Петербурга, но в Москве, по свидетельству А.В. Никитенко, «она уже успела разойтись в большом количестве экземпляров»³². Кроме того, большая рецензия на книгу Е.П. Лачиновой с пространными цитатами из опального романа была опубликована в июньском номере журнала «Отечественные записки». Автором рецензии, вероятно, был В.Г. Белинский. Из еще не разосланных экземпляров «Отечественных записок» рецензию буквально вырезали³³.

Случай с «Проделками на Кавказе» показывает, что институты власти Российской империи вступили, хотя и в специфической форме, в диалог с обществом. Признание военного министра А.И. Чернышева в правдивости лачиновских (хамар-дабановских) оценок российской политики на южной окраине и поспешно-неуклюжее изъятие из публичной сферы «Проделок на Кавказе» и рецензий на нее свидетельствуют именно о диалогическом контакте, а не о якобы имманентно присущих имперской власти «патерналистских устремлениях»³⁴.

Без этого показного запрета, притом очевидно обреченного на неудачу, российская публика могла бы и не заметить «Проделки на Кавказе». При этом все причастные к публикации романа и его фрагментов избежали радикальных взысканий. Московский цензор Н.И. Крылов, пропустивший книгу Е.П. Лачиновой, был отставлен из цензурного комитета, но сохранил за собой место декана юридического факультета Московского университета. Для редактора «Отечественных записок» А.А. Краевского эта история и вовсе не имела негативных последствий, хотя в 1847–1848 гг. за публикацию повестей М.Е. Салтыкова «Противоречие» и «Запутанное дело» А.А. Краевского вызвали в III Отделение СЕЙВК и приказали вести журнал в «полном согласии с видами правительства»³⁵. Больше всех пострадала автор, Е.П. Лачинова, которую взяли под полицейский надзор. В России ее сочинения больше не печатались, но в

³⁰ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857 / под редакцией Н.Л. Бродского и др. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 282–283.

³¹ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 390.

³² *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 283.

³³ *Никитенко А.В.* Дневник. Т. I. 1826–1857. С. 510–511.

³⁴ «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России. С. 49.

³⁵ *Демченко А.А.* «Отечественные записки» и цензура 1840-х – 1880-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 119–123.

1846 г. «Проделки на Кавказе» были опубликованы на немецком языке в Лейпциге³⁶.

Скандалная публикация романа Е.П. Лачиновой случилась накануне масштабных перемен в системе управления Кавказом. В ноябре 1844 г. Николай I призвал новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова занять специально учреждаемый пост кавказского наместника:

Зная ваше всегдашнее пламенное усердие к пользам государства, выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы, как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях, с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моего к вам доверия, не откажетесь исполнить мое ожидание³⁷.

М.С. Воронцов был одним из самых популярных людей в России второй четверти XIX в. Как отметила С.В. Самойлова,

за всю жизнь он приобрел у различных людей и в разных кругах массу достаточно эклектичных образов. Реальное начало данного процесса можно с уверенностью отнести ко времени нахождения графа во Франции, когда формируется его образ либерала, служебного фрондера, «оппозиционера предписанному»³⁸.

Для петербургской бюрократии резкая смена правительственного курса на Кавказе, от попыток полного административного слияния региона с внутренними российскими губерниями до фактического вывода местной администрации из министерского контроля, стала большим потрясением. Многолетний неофициальный руководитель имперской политики на Кавказе статс-секретарь М.П. Позен после конфликта с М.С. Воронцовым в январе 1845 г. был вынужден уйти в отставку. В обществе падение М.П. Позена встретили благожелательно, а многочисленные враги статс-секретаря хвалили кавказского наместника и утверждали, что

³⁶ Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. Москва: Дело, 2022. С. 258.

³⁷ Архив князя Воронцова. Кн. XL. Письма к князю М.С. Воронцову графов К.В. Нессельроде и А.Ф. Орлова. Москва: Университетская типография, 1895. С. 499–500.

³⁸ Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1995. С. 19.

если бы Воронцову и не удалось ничего сделать на новом его поприще, то одним удалением Позена он уже оказал огромную государственную заслугу государю и России³⁹.

Всеобщее восхищение М.С. Воронцовым вызвало некоторую ревность со стороны Николая I. В феврале 1845 г. в редакцию «Русского инвалида» – официальной газеты Комитета о раненых, а позднее Военного министерства – поступила рукопись статьи «Из письма в Москву», в которой подробно описывался торжественный прием кавказского наместника в Английском клубе столицы. Статью не пропустил в печать лично император, усмотревший неприличные выражения в произнесенных на празднестве речах. Так, генерал Н.Ф. Плаутин выразил

общее признательное чувство, что граф (М.С. Воронцов. – *А. У.*), несмотря ни на лета, ни на тяжкие труды свои, от которых имел бы право теперь успокоиться, снова решился выступить на обширное поприще трудов военных, лишь только общее доверие, выраженное священной волею монарха, воззвало к нему⁴⁰.

Напротив этих слов Николай I написал: «вовсе неприлично; благодарить могу я, а ни кто другой»⁴¹.

Назначение популярного и известного в обществе М.С. Воронцова на Кавказ и падение ненавистного многим М.П. Позена⁴² привлекли внимание публики к событиям на южной окраине империи. Это заметно по увеличившемуся с 1845 г. количеству сообщений о Кавказе в российской периодической печати, в частности, в «Московских ведомостях» (см. рисунок⁴³).

³⁹ Корф М.А. Записки. Москва: Захаров, 2003. С. 115.

⁴⁰ Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1912. С. 4.

⁴¹ Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. С. 5.

⁴² Литвинова Т.Ф. Прижизненная репутация и историографическая судьба М.П. Позена // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (4). С. 44–50.

⁴³ При составлении диаграммы учитывались все сообщения, в которых упоминался Кавказский край, в том числе сообщения о движении офицеров, высочайших указах, ведомственные объявления и т.д. Автор благодарит Э.О. Сагинадзе за предоставленную информацию.

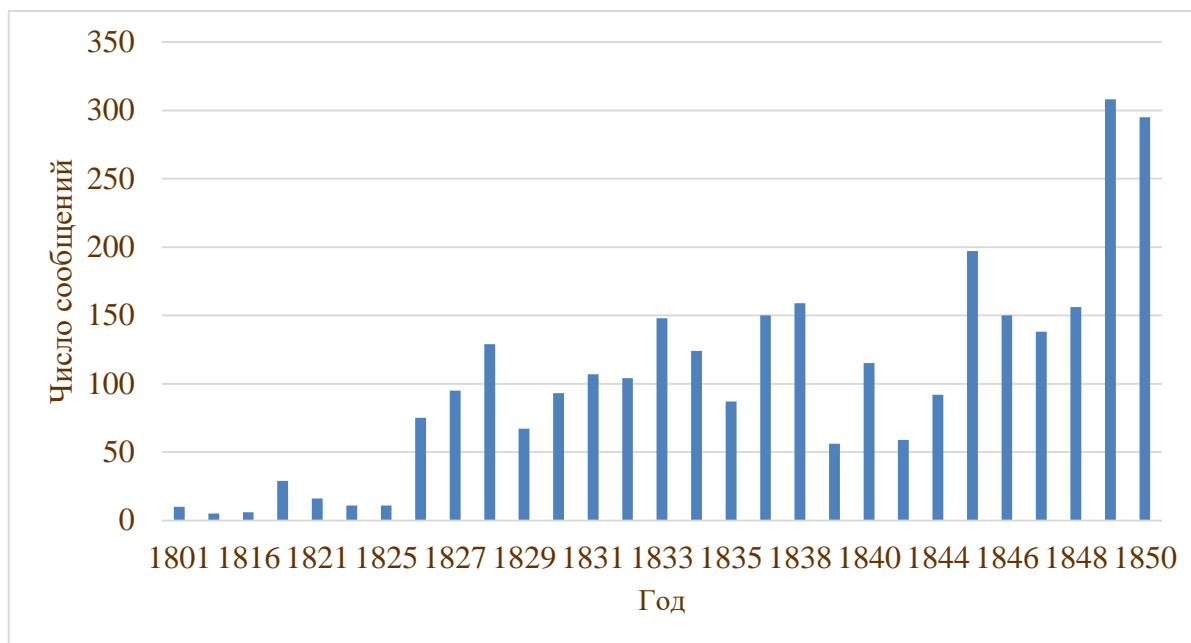

Рисунок. Кавказ и Кавказская война в сообщениях «Московских ведомостей», 1801–1850 гг.

Но во второй половине 1845 г. российская публика обсуждала не только сообщения «Московских ведомостей» и других газет, но и неофициальные сведения о провале Даргинской экспедиции, которые распространялись в письмах офицеров Отдельного Кавказского корпуса, слухах и разговорах.

План Даргинского похода разрабатывался в Петербурге при личном участии Николая I и предполагал нанесение решающего удара в центр имамата Шамиля – чеченское селение Дарго. Это должно было принудить горцев к капитуляции и завершить военные действия на Левом фланге Кавказской линии. В июле 1845 г. М.С. Воронцов взял Дарго, но Шамиль и его мюриды не собирались сдаваться. В итоге российский отряд был вынужден оставить Дарго. На обратном пути войска наместника понесли большие потери: из 12-тысячного отряда 4 тысячи погибли или были ранены, в том числе три генерала и десятки офицеров⁴⁴.

Однако в официальных сообщениях Даргинская экспедиция была признана большой победой:

Вы вполне оправдали мои ожидания, проникнув в недра гор дагестанских, считавшихся доселе неприступными. Приняв личное начальство над

⁴⁴ Даргинская трагедия. 1845 год / составитель Г.Г. Лисицына. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. С. 23.

главным отрядом, вы собственным примером непоколебимой твердости и самоотвержения указали войскам путь к подвигам незабвенным⁴⁵,

– отмечал Николай I в высочайшем рескрипте кавказскому наместнику. Сообщения о походе и его итогах летом 1845 г. регулярно печатались в «Русском инвалиде» и также носили победно-триумфальный характер⁴⁶. Успех военной операции должны были подтвердить и щедрые награды всем его участникам. М.С. Воронцов был удостоен титула князя, офицеры получили повышения и/или ордена, солдатам раздали деньги.

Вместе с тем, в российском обществе распространилось мнение о провале военной экспедиции. Столицы не верили официальным сведениям. Московские разговоры о походе в Дарго стали предметом обсуждения в переписке двух старых приятелей, А.П. Ермолова и М.С. Воронцова⁴⁷.

Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и дать ему еще большую власть; что, если требуется неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, и еще оставался бы страх, что может прийти сам главный начальник и поправить, буде бы что не хорошо было сделано. Безрассудно говорят, будто бы теперь горцы несравненно сильнее будут сопротивляться всякому из генералов, когда за потери их, хотя, впрочем, значительные, нанесено нам не менее чувствительное поражение. Рассказчики выставляют потерю трех генералов, утверждая, что это без сильного поражения быть не могло. К сему присоединяются будто из получаемых писем заимствованные сведения, которых нет без сомнения. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобой дух должен упасть необходимо и что это, конечно, не легко поправить⁴⁸,

– писал А.П. Ермолов наместнику М.С. Воронцову 31 августа 1845 г.

⁴⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. / под редакцией А.П. Берже. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. С. 313–314.

⁴⁶ Русский инвалид. 1845. № 142 (28 июня), № 152 (10 июля), 153 (11 июля); Известия с Кавказа за 1845 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178.1. Кар. 11148. Ед. 14.

⁴⁷ Подробнее см.: *Давыдов М.А.* Оппозиция Его Величества. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1994.

⁴⁸ *Ермолов А.П.* Кавказские письма, 1816–1860 / под редакцией Я.А. Гордина. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2014. С. 462–463.

В письмах А.П. Ермолова можно найти множество указаний на критическое отношение московской публики к походу в Дарго. Так, в послании к Н.Н. Муравьеву от 10 октября 1845 г. подчеркивалось, что «...немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами»⁴⁹.

Нет сомнений, что М.С. Воронцов был уязвлен недоверием к его победным реляциям и тяжело переносил язвительную критику А.П. Ермолова, на которую тот, несмотря на многолетнюю дружбу, не скупился.

Неофициальное и невыгодное для М.С. Воронцова обсуждение Даргинского похода, видимо, привело кавказского наместника к идее активного контроля в публичной сфере. Инструментом реализации этой идеи могло стать новое специализированное издание. М.С. Воронцов хорошо понимал политическое значение институтов публичной печати. Сам он ежедневно читал европейские издания, прежде всего английские и французские газеты⁵⁰.

Уже в январе 1846 г. по инициативе М.С. Воронцова была учреждена газета «Кавказ», которую контролировала канцелярия наместника. «Кавказ», по заявлению редакции газеты, выполнял две взаимосвязанные задачи:

нас, русских, знакомит она (газета «Кавказ». – А. У.) с любопытною богатою страной, о которой мы знаем, кажется, меньше, нежели об Америке, и с которою, однако, судьба связала нас неразрывными узами братства и общих выгод; между туземцами распространяет мало-помалу охоту к чтению и укореняет понятия более чистые, образ мыслей и взгляд более образованные⁵¹.

Именно «Кавказ» должен был стать для российского общества главным источником сведений о событиях на южной окраине. По словам журналиста И.А. Сливацкого, возглавлявшего редакцию «Кавказа» в 1852–1855 гг.,

вообще, на здешние газеты нужно смотреть как на учебники, по которым Россия знакомится с Кавказом и Закавказьем, а учебники должны писаться сколько-нибудь опытными педагогами⁵².

⁴⁹ Ермолов А.П. Кавказские письма. С. 464.

⁵⁰ Этой привычке М.С. Воронцов изменил только после начала Крымской войны в 1853 г. Он был потрясен этими событиями и, по выражению его личного врача Э.С. Андреевского, «возненавидел политику». См.: Из архива К.Э. Андреевского. Записки Э.С. Андреевского. Т. III / под редакцией С.А. Авалиани. Одесса: Типография акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1914. С. 353.

⁵¹ Кавказ. 1848. № 1 (3 января). С. 1.

⁵² Кавказ. 1850. № 74 (20-го сентября). С. 297.

«Кавказ» распространялся в Тифлисе, Одессе и Петербурге, что подчеркивало статус издания. Кроме того, другие российские издания, в том числе, такие влиятельные как «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид» перепечатывали сообщения из номеров «Кавказа».

Однако практику перепечатывания статей из «Кавказа» столичными изданиями вскоре ограничили. 24 октября 1850 г. министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов приказал петербургскому цензурному комитету следить за тем, чтобы известия о военных действиях перепечатывались газетами только после их публикации в «Русском инвалиде». Современники отмечали, что сведения об одних и тех же операциях Отдельного Кавказского корпуса, публикуемые в «Русском инвалиде» и «Кавказе», заметно отличались. «Кавказ» публиковал приказы М.С. Воронцова, которые «бывали иногда подробнее и интереснее», чем репортажи военного министра, выходившие в «Русском инвалиде»⁵³. По словам известного петербургского журналиста П.С. Усова, кавказского наместника «парализовали относительно публики, не выписывавшей газету “Кавказ”»⁵⁴.

В то же время «Кавказ» оставался доступен в столицах. Ограничения были связаны не с намерением властей тотально ограничить публичные дебаты, а, скорее, со служебно-иерархическими боями кавказского наместника с министрами и главноуправляющими⁵⁵.

Таким образом, структуры публичной сферы николаевской России были разнородны. Общество не только наблюдало за публичным информационным противостоянием правительства и кавказского наместника, но и имело возможность выбирать различные источники сведений о событиях на далекой южной окраине. В этой связи затруднительно рассматривать российскую публичную сферу 1830–1850-х гг. как период «активизации централизованной пропаганды»⁵⁶. Напротив, здесь заметна децентрализация, ведь даже корпоративно-властные противостояния становились достоянием гласности.

Российские публичные дебаты в первой половине – середине XIX в. формировались, в значительной степени, вокруг информационной повестки европейских и, прежде всего, французских газет и журналов. С началом Крымской войны (1853–1856) публикации французской прессы приобрели воинственный антироссийский характер. Всех противников Российской империи французские газетчики изображали героями, сражавшимися против

⁵³ Усов П.С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. Т. 12, № 5. С. 367–368.

⁵⁴ Усов П.С. Из моих воспоминаний. С. 368.

⁵⁵ Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs царские министры (1844–1853) // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 31–39.

⁵⁶ Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. С. 50.

варварской и деспотичной державы Николая I. Повышенное внимание французских журналистов, а вслед за ними писателей и театральных режиссеров, привлекала фигура имама Шамиля. Писатель П. Мерис (1818–1905) – ученик и близкий друг В. Гюго – написал пьесу «Шамиль», которая в 1854 г. была поставлена в парижском театре Сен-Мартен и пользовалась популярностью. Финалом пьесы стала высадка англо-французского десанта на черноморском побережье Кавказа и его соединение с войском Шамиля. Как известно, Шамиль действительно рассчитывал на удачное наступление союзников на Кавказе, такое развитие событий являлось, по сути, единственной надеждой предводителя горцев на успешное завершение Кавказской войны⁵⁷.

Ответом на пьесу П. Мериса и многочисленные публикации во французской печати стала обширная статья «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» сотрудников редакции «Кавказа» Е.А. Вердеревского и Н.Л. Дункель-Веллинга⁵⁸. Как отмечали авторы, «весь настоящий труд посвящен подробному и терпеливому разоблачению лжи, на которой основана смешная шамилемания Запада»⁵⁹.

Статья Е.А. Вердеревского и Н.Л. Дункель-Веллинга, опубликованная на русском языке, предназначалась российской публике. «Шамиль поближе» должен был, по замыслу его авторов, стать антидотом против французской «шамилеграфии». Вероятно, статья была встречена публикой позитивно, о чем говорит как ее отдельное издание в 1855 г. в виде брошюры, так и положительные оценки в литературной критике. «Итак, брошюра сообщает настоящие сведения о Шамиле и опровергает ложные, существующие в Париже, и делает то и другое удовлетворительно»⁶⁰, – писал в короткой рецензии редактор «Современника» Н.А. Некрасов.

Пик общественного обсуждения Кавказской войны пришелся на 1860-е гг. Это было связано со зримыми свидетельствами успехов Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии), пленением Шамиля в 1859 г. и с тем, что должность кавказского наместника занял великий князь Михаил Николаевич. Еще лишь одна окраина удостаивалась подобной чести –

⁵⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 452–467.

⁵⁸ Кавказ. 1854. № 95–100 (4, 8, 11, 15, 18, 22 декабря). Позднее статья вышла отдельным изданием: Вердеревский Е., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского, 1855.

⁵⁹ Кавказ. 1854. № 95 (4 декабря). С. 385.

⁶⁰ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11, кн. 2. Критика, публицистика 1847–1869. Ленинград: Наука, 1990. С. 126–127.

Польша, где наместниками были великие князья Константин Павлович (1826–1830 гг.) и Константин Николаевич (1862–1863 гг.)

В 1860 г. в петербургском Пассаже цикл публичных лекций о Кавказской войне прочитал офицер Генерального штаба Д.И. Романовский, служивший на Кавказе в 1852–1858 гг.

Упорная война, которую правительство наше ведет на Кавказе в продолжении стольких лет, давно обратила на себя общее внимание. Последние славные успехи придали этой войне особый, живой интерес. Между тем недостаток сведений о Кавказе по настоящее время весьма ощутителен⁶¹,

– отмечал Д.И. Романовский во вводной лекции. Выступления Д.И. Романовского привлекли внимание публики и подробно описывались в прессе⁶². В том же году лекции были опубликованы отдельным изданием.

В начале 1861 г. ветераны Кавказской войны впервые собрались в Петербурге на «кавказский вечер», который был посвящен воспоминаниям о службе на южной окраине. Впоследствии эти собрания стали проходить ежегодно (4 февраля), их почетным председателем был выбран генерал В.М. Козловский, возглавлявший «вечера» вплоть до своей смерти в 1873 г.⁶³

Заметным событием стала публикация «Писем с Кавказа» Р.А. Фадеева, которые печатались «Московскими ведомостями» в 1864–1865 гг., а затем вышли отдельной книгой⁶⁴. Р.А. Фадеев воевал на Кавказе в 1840–1850-х гг. и с 1859 г. был ближайшим сотрудником кавказского наместника А.И. Барятинского. Именно Р.А. Фадеев ввел номинацию «Кавказская война» для обозначения различных военных конфликтов на южной окраине империи, которые происходили после присоединения Восточной Грузии в 1801 г.⁶⁵

⁶¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. С. 1–2.

⁶² Колосовская Т.А. Кавказ в служебной биографии и историко-литературном наследии генерал-лейтенанта Д.И. Романовского (1825–1881) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 45.

⁶³ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / под редакцией Л.Г. Захаровой. Москва: Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. С. 37–38.

⁶⁴ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова, 1865.

⁶⁵ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная Типография Главного Штаба Кавказской армии, 1860.

В «Письмах с Кавказа» Р.А. Фадеев не только сообщал сведения о событиях Кавказской войны, но и представил публике ее военно-стратегическое оправдание, имперскую идеологию этого военного конфликта, самого продолжительного в истории России. По мнению Р.А. Фадеева, борьба за Кавказ была частью большого геополитического противостояния России с другими ведущими европейскими державами, прежде всего, с Англией и Францией. Регион не мог оставаться самостоятельным в политическом отношении, поскольку, в случае установления здесь доминирования империи-конкурента, вся южная граница государства Романовых находилась бы под постоянной угрозой.

Внимание публики недолго было приковано к Кавказу и истории Кавказской войны. Грандиозные события Великих реформ, политический террор и, наконец, закономерный уход из публичной сферы многих ветеранов покорения Кавказа отодвинули Кавказскую войну на периферию общественного внимания. Как вспоминал Д.А. Милютин, «со времени же окончательного умиротворения Кавказского края и прежнее сочувствие к Кавказу заметно охладело»⁶⁶.

Заключение

Кавказская война занимала особое место в российской публичной сфере. Обсуждение событий военно-политического противостояния на южной окраине империи проходило параллельно с накоплением научных сведений об этнографии, хозяйственном и правовом укладе региона. В отсутствие надежных кавказоведческих описаний важнейшим навигатором в истории и современности края, охваченного войной, являлись литературные сочинения. Они способствовали формированию романтического образа Кавказа и Кавказской войны, который долгие годы задавал рамки понимания и узнавания региона и его повседневности. Российское правительство вплоть до 1840-х гг. не проводило заметных ограничительных интервенций в обсуждение в публичной сфере вопросов, связанных с Кавказской войной. Основным ограничителем выступал дефицит сведений и новостей, который можно было объяснить, в том числе, затрудненной логистикой и отсутствием соответствующей инфраструктуры.

На динамику обсуждения Кавказской войны в российской публичной сфере прямое влияние оказывала правительственная политика в отношении южной окраины и перемены ее курса. Учреждение наместничества и назначение кавказским наместником М.С. Воронцова привели к активизации

⁶⁶ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. С. 38.

общественного обсуждения Кавказской войны. Впоследствии служебно-иерархическое противостояние наместников и министров находило выражение в публичной сфере, где присутствовали сообщения о событиях Кавказской войны, по-разному транслируемые в региональной и центральной прессе.

Российская публичная сфера была пространством конкуренции различных официальных акторов за общественно-политическое влияние. Эта конкуренция приобретала особую интенсивность в условиях неразделенности общества и государства, характерного для Российской империи, где большинство представителей правящей дворянской корпорации имело несколько социальных валентностей: днем – чиновник, вечером – участник светского салона. Российская публичная сфера в XIX в. была неформальным продолжением формальной политики, что видно на примере взаимодействия общества и Кавказской войны.

Introduction

In December 1848, A. Zisserman (1824–97), an official of the Caucasian administration, went on official business “to Russia.” That is what the military officers and civil officials of the Caucasian Territory called the trip to the inner Russian provinces at that time. According to the famous memoirs of A. Zisserman, he came to St Petersburg through Yekaterinoslav and Zhitomir and returned to the Caucasus through Kiev and Odessa, Crimea and Taman. One of the strongest impressions of that trip for Zisserman was the indifference of the Russian public to the events in the Caucasus:

I remember how during that stay in Russia I was struck by the lack of the most basic information about the Caucasus in Russian society; the ideas about it were most amusing. Of course, we have always been more interested in the situation somewhere in Brazil than in our homeland, and the ignorance was justified by an extremely limited number of printed news and an even more limited number of the people who wanted to read, but still it seemed strange that people of the so-called educated class were completely indifferent to the outskirts, which had been in Russia’s hands for half a century, and Russia maintained an army of two hundred thousand there and made enormous sacrifices in the fight against the highlanders, the fight that seemed endless.¹

Zisserman’s memoir testimony is still surprising today. Indeed, by the middle of the 19th century, many representatives of the most famous families of the empire had already served in the Caucasus: the Vorontsovs, the Baryatinskys, the Gagarins, the Golitsyns. M. Lermontov served there, A. Pushkin had been there, A. Bestuzhev-Marlinsky fought and died there. Their works formed the tradition of the “Caucasian stories,” which were popular among the contemporaries. But St Petersburg’s public was well acquainted with the highlanders not only through literary works. In 1828, the Life-Guards Caucasian-Mountain Half-Squadron, which served at the royal court, was formed from representatives of the aristocratic families of the North Caucasus.

Of course, Russian society heard about the war in the Caucasus and saw the highlanders from the half-squadron, but that was not enough to understand the military and political tasks of the empire in the region and to assess the difficulties that Russia was trying to overcome, i.e. not enough for public discussion.

High society salons were the main place for discussing current news in Russia in the first half of the 19th century. It was the salons as a space of informal and equal communication that were an important part of the public sphere, which, as

¹ A.L. Zisserman, *Twenty-Five Years in the Caucasus (1842–1867)* [in Russian]. pt. 1, 1842–1851 (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1879), 328–29.

J. Habermas wrote, was formed by the court and the city.² The public sphere consisted of those who read, spoke, listened, and watched, or, in other words, of readers, viewers and listeners. In this regard, salons were universal: news was discussed, new literary works were read, and opinions on theatrical performances were shared there. As noted by O. Muravyova, “the salon represented a complex form of self-organization of the noble elite, allowing them to combine their high intellectual and artistic demands with the cult of ‘elegant life’.”³

However, before getting involved in the discussion of a certain topic, it is necessary to get information about the event and its heroes and antiheroes. The proposed article examines the place and significance of the Caucasian War in the Russian public sphere of the first half – middle of the 19th century. This research problem is multidimensional and includes several questions. Firstly, through what sources and information resources did the Russian public learn about the Caucasian War? Secondly, what was the level of public awareness about the military-political confrontation in the Caucasus? Thirdly, how did the official authorities influence the public sphere?

Historiography does not know any special works devoted to the perception and discussion of the Caucasian War in the Russian public sphere. At the same time, a notable historiographical layer consists of the studies that analyze the images of the region and the themes of the Caucasian War in the Russian public consciousness of the 18th–19th centuries⁴ as well as the ideas of individual intellectuals about the Caucasus.⁵

The study of the public sphere is demarcated from the studies of “public thought” and “public consciousness” in several ways. The subject of the study embraces not only the opinions and assessments of outstanding writers and opinion journalists

² J. Habermas, *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [in Russian], trans. V.V. Ivanova (Moscow: Ves' mir, 2016), 82.

³ O.S. Murav'eva, “The Rise and Fall of High Literary Salons in the ‘Golden Age’” [in Russian], *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26) (2022): 140–82.

⁴ S.V. Soplentov, *A Journey to Arzrum: Russian Social Thought about the East (First Half of the 19th Century)* [in Russian] (Moscow: Vostochnaya literatura, 2000); V.F. Patrakova, “The Caucasian War in the Public Consciousness of Russia in the First Third of the 19th Century” [in Russian], in *Essequamvideri*, iss. 2, *In Memory of Yu.I. Seryi (1922–1986)*, ed. A.V. Lubsii, and V.V. Chernous (Rostov-on-Don: Antei, 2013), 148–60; L.S. Gatagova, “The Image of the Caucasus in the Russian Public Consciousness (17th–19th centuries)” [in Russian], in *Images of Regions in the Public Consciousness and Culture of Russia (17th–19th centuries)*, ed. V.V. Trepavlov (Tula: Grif i K; Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN2011), 153–99.

⁵ D.S. Dudarev, and S.L. Dudarev, *The North Caucasus through the Eyes of Representatives of Russian Society of the First Half – Mid-19th Century* [in Russian] (Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B, 2017); Yu.S. Sulaberidze, “The Perception of the Caucasus by the Decembrists: Decembrist Cultural Type in the Caucasus” [in Russian], *Istoricheskii kur'er*, no. 6 (14) (2020): 53–71.

(“rulers of thoughts”) but the entire information infrastructure, including periodicals, government manifestos and acts, salon conversations, and public letters. The study of the public sphere involves an analysis of the situation of interaction between various actors who enter into an equal discussion on the current political agenda. Finally, it is impossible to study the public sphere in isolation from the historical context, which largely determines the degree of freedom of expression (“publicity mode”) and the result of public discussion (“publicity effect”).⁶

The proposed article is written in dialogue with two of the most fundamental and well-known multi-author works on the problems of the public register of the Russian language and the Russian public sphere: “*Public Muteness Syndrome*” and *Imperfect Public Sphere*.⁷ The article attempts, on the one hand, to problematize the idea of a conscious policy of the imperial authorities, who sought to prevent the possibility of social dialogue, and on the other hand, to show the structural normality of the Russian public sphere.

Main body

Like all the problems of integration of the southern outskirts of the empire, the Caucasian War had long been on the periphery of government policy and the attention of Russian society. At the same time, according to V. Lapin’s fair remark, information about the events in the Caucasus was distributed in Russia in four ways: “in letters, in stories from those who visited the Terek and Kuban, in newspaper materials, and in the pages of books and magazines.”⁸

The discussion on the annexation of Eastern Georgia to the Romanov empire in the State Council took six months: from April to September 1801 Alexander I doubted the need to accept the new domain into the empire. Influential dignitaries A. Vorontsov and V. Kochubei pointed out that the “Georgian issue” distracted the emperor’s attention from the priority tasks of internal reforms of the state, which was “too extensive.”⁹ And yet, the majority of the members of the State Council supported the annexation of the new province. It should be noted that one of the arguments in favor of annexation was the report of Musin-Pushkin, the vice-president

⁶ T.M. Atnashev, T.V. Vaizer, and M.B. Velizhev, comps., *Imperfect Public Sphere. History of Publicity Modes in Russia* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021), 50–52.

⁷ N.B. Vakhtin, and B.M. Firsov, eds., “*Public Muteness Syndrome*”: *History and Modern Practices of Public Debate in Russia* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017); Atnashev, Vaizer, and Velizhev, *Imperfect Public Sphere*.

⁸ V.V. Lapin, *Russia’s Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Evropeiskii dom, 2008), 50.

⁹ *Archive of the State Council* [in Russian], vol. 3, *Reign of Emperor Alexander I. 1801–1810*, pt. 2 (St Petersburg: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1878), 1200.

of the Berg Board, about the richest Georgian mines.¹⁰ Subsequently, it turned out that this and other similar information was greatly exaggerated.

The annexation of Eastern Georgia required reliable communications with the Transcaucasian domain. That task, in turn, forced the Russian Empire to ensure regular military and political control over the territory of the North Caucasus. Thus, the annexation of Eastern Georgia became the “trigger mechanism” of the Caucasian War.¹¹

At the beginning of the 19th century, the Russian public knew almost nothing about the Caucasus and the numerous peoples who lived in that region. The imperial administrators were constantly blurting it out accordingly. In a report to Emperor Alexander I on January 7, 1803, General P. Tsitsianov, Commander-in-chief of the Russian troops in the Caucasus in 1802–06, stated, “I still do not have a military map of the Caucasian line, since it is still being drawn up.”¹²

Fifteen years later, A. Ermolov, the legendary “Proconsul of the Caucasus”, confessed in the letter to M. Vorontsov dated December 29, 1816:

I am in such a land (in the Caucasus. – A. U.), where objects and activities that are unfamiliar to me, completely new to me, make me feel the shortcomings of my talents.¹³

At that time (1815–18), M. Vorontsov commanded the Russian occupation corps in France, and A. Ermolov constantly emphasized in their personal correspondence that unlike his friend, he was on the edge of the world and would never be able to gain fame through meaningless work:

I am in a wild, unenlightened country, whose existence seems to be based on all kinds of debauchery and disorder. The education of nations takes centuries, not a human lifetime.¹⁴

As contemporaries noted, reliable news about the war in the Caucasus rarely penetrated the borders of the region:

¹⁰ A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 1 (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866), 514.

¹¹ Ya.A. Gordin, *Caucasus: Land and Blood. Russia in the Caucasian War of the 19th Century* [in Russian] (St Peterburg: Zhurnal “Zvezda”, 2000), 24.

¹² A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 2 (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1868), 15.

¹³ Ya.A. Gordin et al., coms., *Caucasian Letters from A.P. Ermolov to M.S. Vorontsov* [in Russian] (St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2011), 29.

¹⁴ Gordin et al., *Caucasian Letters*, 36.

On the line, at least, they talked about that region, but here the happy and carefree Little Russian women hardly know that our troops are in Georgia, and even less that this unfortunate region is surrounded by war,

A. Benkendorf wrote from Kherson in March 1804.¹⁵ A man who left the Russian capitals for the Caucasus was considered dead for the public. “None of my acquaintances will miss me, everyone has forgotten, not a line from anyone,” A. Griboedov complained in a 1819 in a letter to N. Grech, editor and publisher of the magazine *Syn Otechestva*.¹⁶

In the early 19th century, the attention of Russian society was focused on European news. The rise to power of Napoleon Bonaparte in France and the wars of anti-Napoleonic coalitions after that naturally interested the public more than the events in the Caucasus. In addition, according to the apt expression of A. Pypin, it was the reign of Emperor Alexander I that underwent “an influx of socio-political ideas.”¹⁷ The public actively discussed the issues of government and internal transformations and sought answers in N. Karamzin’s *History of the Russian State*.

Another factor in the “public muteness” about the Caucasian War was the condition of the roads. The only logistical artery connecting the Russian capitals and the administrative center of the southern outskirts in Tiflis was the Georgian Military Road. However, it was never possible to make that road a reliable communication route in the first half of the 19th century despite all the efforts of the imperial administration. The movement of mail, couriers, cargo, and troops was hindered, first of all, by natural disasters: avalanches, rockfalls, and mudslides. In 1808, 1817, and 1832, passage along the Georgian Military Road was blocked for several months. The scale of the destruction in 1817 can be deduced from the reports of the chief of communication routes, famous engineer F. de Wollant, who wrote to A. Arakcheev on August 29, 1817 that he found it possible only to maintain the road “in a tolerable condition so as not to interrupt communications along it at all.”¹⁸

¹⁵ “A. Kh. Benckendorff to M.S. Vorontsov. March 5, 1804, Cherson” [in Russian], in *Archives of Prince Vorontsov* [in Russian], bk. 35, *Letters from Count A.Kh. Benkendorf and S.N. Marin* (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889), 15.

¹⁶ “Letter to the publisher of *Syn Otechestva* from Tiflis as of January 21, 19189” [in Russian], in A.S. Griboedov, *Complete Works* [in Russian], vol. 2, *Dramatic essays. Poems. Articles. Travel Sketches* (St Petersburg: Notabene, 1999), 263.

¹⁷ A.N. Pypin, *Social Movement in Russia under Alexander I* [in Russian] (St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001), 13.

¹⁸ “O zatrudneniyakh soobshcheniya mezhdru Gruziei i Kavkazskoi liniei v vidu razlitiya reki Terek, razrushivshei mosty i dorogi” [On the difficulties of communication between Georgia and the Caucasian line due to the flooding of the Terek River, which destroyed bridges and roads]. F. 1409, op. 1. Razdel 1817 g. D. 1983, ll. 1–3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

Russian newspapermen and journalists compensated for the lack of news directly from the region by uncritically borrowing information from the European press. That led to the circulation of outright fabrications, the publication of which in Russia caused discontent among the “Caucasian” officials and officers. In the letter of A. Griboedov cited above, there is also a rebuke to the metropolitan public, who trusted unverified news too much: “. . . If this region in relation to you, gentlemen from St Petersburg, can justly be called the land of oblivion, it is permissible to forget it, but not to invent or repeat absurdities about it.”¹⁹

The most important role in overcoming the information blockade of the Caucasus was played by exiles, primarily the Decembrists. But a month before the events on Senate Square, “Excerpts about the Caucasus” by A. Yakubovich was published in the *Severnaya Pchela* of F. Bulgarin and N. Grech. Yakubovich was transferred to the Caucasus in 1818 for his participation as a second in the duel between A. Zavadovsky and V. Sheremet'ev (“the quadruple duel”).²⁰

A. Yakubovich submitted his essay at the request of the publishers of the *Severnaya Pchela* and probably handed it over personally, since at the end of 1824 he was granted a leave and spent 1825 in St Petersburg. A. Yakubovich saw the author’s task in introducing the readers of the *Severnaya Pchela* to the “tribes of the Caucasus and the way of their war.”²¹ The essay consists of two parts. In the first part, the author provides information about two ethnic groups – the Karachai and the Abzakh; in the second part, he describes military daily life.

Decembrist writer A. Bestuzhev (1797–1837) was a real Columbus of the history of the Caucasian War for the Russian reading public. After active participation in the uprising on Senate Square, he was sent to the Rochensalm fortress on the shore of the Gulf of Finland, and then assigned to a settlement in Yakutsk, where he lived in 1828–29. In the summer of 1829, A. Bestuzhev was transferred to the Separate Caucasian Corps as a private. In the 1830s, the Caucasian novels by A. Bestuzhev (under the pseudonym Marlinsky) were published in the metropolitan magazines *Moskovskii telegraf*, *Syn Otechestva*, and *Biblioteka dlya chteniya*.²²

Bestuzhev’s works were a resounding success with the public. One of his contemporaries wrote that they “melt in bookstores like soaked sugar . . . few books sold as fast.”²³ The success of Bestuzhev’s stories is also evidenced by the fact that a five-volume collection of his works was published in 1832, however, without

¹⁹ Griboedov, *Complete Works*, vol. 2, 404.

²⁰ M.V. Nechkina, ed., *Decembrists. A Biographical Reference Book* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1988), 209.

²¹ A[leksandr]. Ya[kubovich]. “Excerpts about the Caucasus. (From Campaign Notes)” [in Russian], *Severnaya pchela*, no. 138 (1825): 3–4.

²² A.A. Bestuzhev-Marlinskii, *Caucasian Stories* [in Russian] (St Petersburg: Nauka, 1995), 618.

²³ Cited in Patrakova, “The Caucasian War in the Public Consciousness,” 155.

inclusion of his name and pseudonym.²⁴ In A. Bestuzhev's prose, the image of the Caucasus and the Caucasian War was constructed in accordance with the romantic tradition. It made a great impression on the audience. From the memoirs of A. Zisserman:

I was 17 years old when, living in one of the provincial towns, I read some of Marlinsky's works for the first time. I will not expand on the enthusiasm with which I admired "Amalat-bek," "Mullah-Nur," and other essays of the Caucasus; suffice it to say that that reading gave me the idea *to give up everything and fly to the Caucasus, to this promised land with its formidable nature, belligerent inhabitants, wonderful women, poetic sky, high, eternally snow-covered mountains, and other delights* (italics added. – A. U.), inevitably inflaming the imagination of a seventeen-year-old head, especially in a boy who has already shown since childhood an extraordinary tendency to the sensations stronger than ordinary school amusements.²⁵

Similar feelings and motivations were experienced by other readers of Bestuzhev's Caucasian tales, and it was customary in society to give nicknames by the names of the heroes of the "Caucasian stories." For example, young people who showed excessive ardor and passion were nicknamed Ammalats.²⁶

The works of A. Bestuzhev and other romantics created a fashion for the Caucasus as a kind of "its own East" of the Russian Empire. However, that literature could not become an assembly point for a public discussion. The main function of romantic literature was entertainment. Along the way, the Orientalist image of the Caucasus as a country of noble and strange savages was being constructed. An eloquent assessment of that tradition was given by Russian researcher of the region and local languages P. Uslar (1816–75) in the late 1860s:

In the era of romanticism, both nature and people in the Caucasus were incomprehensible. It was impossible to fantasize about nature – scientists would immediately expose the inconsistencies. But nothing prevented one from fantasizing about people as much as they wanted. Highlanders do not read Russian books and do not write refutations on them. The highlanders, who studied "something and somehow" in St Petersburg in those blissful times, imitated the Ammalat-beks, Kazbichs, etc in every possible way. In such a masquerade form, they could only seem interesting, or otherwise, what could be interesting about those under-educated cadets? We could hardly imagine the highlanders in the form other than that of the people possessed by some kind of

²⁴ *Russian Tales and Stories* [in Russian], (St Peterburg: Tipografiya N. Grecha, 1832).

²⁵ Zisserman, *Twenty-Five Years in the Caucasus*, 7.

²⁶ N. Makarov, *My Seventy-year-old Memories and at the Same Time My Complete Deathbed Confession* [in Russian], pt. 1 (St Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1881), 108.

madness, something like inflammation in the brain – cutting people right and left until they themselves are cut by a new generation of madmen. And there was a time when those frenzied children of our poetic imagination delighted a part of the Russian reading public!²⁷

Censorship was merciful towards the works of A. Bestuzhev, which can be explained by their apolitical nature. Bestuzhev himself hoped for literary recognition and, apparently, also counted on social rehabilitation.

But not all works of fiction about the war on the southern edge of the empire were safe from the point of view of the official authorities. The publication of the novel *Tricks in the Caucasus* in 1844 caused a noticeable administrative commotion and exposed everyone involved in this text in one way or another. The author of the novel was E. Lachinova, the wife of General N. Lachinov, who served in the Caucasus in 1836–40. Judging by the diaries of famous English traveller Anna Lister, E. Lachinova was well known in the Russian society of Tiflis and was friendly with the exiled Decembrists, including A. Bestuzhev.²⁸

Having concealed her identity under the pseudonym E. Khamar-Dabanov, E. Lachinova published one of the most critical texts about the Caucasian War. The novel shows numerous vices of the regional military and civil administration: bribery, nepotism, embezzlement, tyranny of superiors. One of the main characters of *Tricks in the Caucasus* is Aleksandr Pustogorodov, who was demoted to soldiers for participating in a political conspiracy and exiled to the Caucasus, where he regained his officer rank with bravery and efficiency and gained the respect of his colleagues. In the novel, it is Pustogorodov who formulates the fundamental problems of imperial policy in the Caucasus, which stand in the way of full-fledged integration of the region:

The first of these obstacles is the difference of faith, morals, and concepts; we do not understand these people, and they do not understand us in our best intentions.²⁹

According to the diary entries of A. Nikitenko, Minister of War A. Chernyshev read the novel and was horrified. He summoned L. Dubel't, the head of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and said, "This book is all the

²⁷ P. U[slar], "Something about the Verbal Works of the Highlanders" [in Russian], in *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*, vol. 1, sec. 4, *Folk Tales of the Caucasian Highlanders* (Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1868), 4–5.

²⁸ O.A. Khoroshilova, *Gentleman Jack in Russia. The Incredible Journey of Anne Lister* [in Russian] (Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2022), 315–17.

²⁹ E. Khamar-Dabanov, *Tricks in the Caucasus* [in Russian] (Stavropol: Knizhnoe izdatel'stvo, 1986), 131.

more harmful because every line in it is true.”³⁰ At the end of May 1844, L. Dubel't informed Minister of Public Education S. Uvarov that there were many “dubious places in the *Tricks in the Caucasus* that should not be passed on to the reading public.”³¹ The book was withdrawn from bookshops in St Petersburg, but according to A. Nikitenko, a large number of copies had already been sold in Moscow.³² In addition, a long review of E. Lachinova's book with lengthy quotations from the disgraced novel was published in the June issue of the magazine *Otechestvennye Zapiski*. Probably, V. Belinsky was the author of the review. The review was literally cut out of the copies of *Otechestvennye Zapiski* that had not yet been sent out.³³

The case of the *Tricks in the Caucasus* shows that the institutions of power of the Russian Empire entered into a dialogue with society, albeit in a specific form. The admission by Minister of War A. Chernyshev the truthfulness of Lachina's (Khamar-Dabanov's) assessments of Russian policy in the southern outskirts and the hastily clumsy withdrawal of the book and its reviews from the public sphere indicate dialogical contact rather than “paternalistic aspirations,” allegedly inherent in the imperial government.³⁴

Without that ostentatious ban, which was obviously doomed to failure, the Russian public might have paid little attention to the *Tricks in the Caucasus*. At the same time, all those involved in the publication of the novel and its fragments escaped radical penalties. Moscow censor N. Krylov who permitted the publication of Lachinova's book was dismissed from the censorship committee but retained his position as dean of the Faculty of Law at Moscow University. For A. Kraevsky, the editor of the *Otechestvennye Zapiski*, that story did not have any negative consequences at all. However, A. Kraevsky was summoned to the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and ordered to maintain the magazine in “full agreement with the views of the government” after the publication of M. Saltykov's stories “Contradiction” and “An Entangled Case” in 1847–48.³⁵ E. Lachinova, who was taken under police supervision, suffered most of all. Her works were no longer published in Russia, but in 1846 *Tricks in the Caucasus* was published in German in Leipzig.³⁶

³⁰ A.V. Nikitenko, *Diary* [in Russian], vol. 1, 1826–1857, ed. N.L. Brodskii et al. (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955), 282–83.

³¹ Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 390.

³² Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 283.

³³ Nikitenko, *Diary*, vol. 1, 510–11.

³⁴ Vakhtin, and Firsov, “*Public muteness syndrome*”, 49.

³⁵ A.A. Demchenko, “*Otechestvennye zapiski* and Censorship in the 1840s–1880s” [in Russian], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68) (2012): 119–23.

³⁶ S.M. Voloshina, *Power and Journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky and Others* [in Russian] (Moscow: Delo, 2022), 258.

The scandalous publication of the novel by E. Lachinova happened on the eve of large-scale changes in the system of the Caucasus' administration. In November 1844, Nicholas I called on the Novorossiysk Governor-General M. Vorontsov to take up the specially established post of the Caucasian viceroy:

Knowing your ever-ardent zeal for the benefits of the state, my choice fell on you in the conviction that you as commander-in-chief of the troops in the Caucasus and my viceroy in these regions, with unlimited authority, imbued with the importance of the assignment and my trust in you, will not refuse to fulfill my expectation.³⁷

M. Vorontsov was one of the most popular persons in Russia in the second quarter of the 19th century. As noted by S.V. SamoiloVA,

Throughout his life, he acquired a lot of quite eclectic images from various people and in different circles. The real beginning of that process can be confidently attributed to the time when the count was in France, when his image of a liberal, an official frondeur, an "oppositionist to the prescribed" was formed.³⁸

For the St Petersburg's bureaucracy, the abrupt change of government policy in the Caucasus from the attempts to completely merge the region with the internal Russian provinces to the actual withdrawal of the local administration from the ministerial control was a great shock. The long-term unofficial head of imperial policy in the Caucasus, State Secretary M. Posen, was forced to resign after a conflict with Vorontsov in January 1845. The fall of Posen was greeted favorably by society, and numerous enemies of the state secretary praised the Caucasian viceroy and claimed that

even if Vorontsov had failed to do anything in his new field, by removing Posen he had already rendered great state favor to the sovereign and to Russia.³⁹

The general admiration of M. Vorontsov caused some jealousy on the part of Nicholas I. In February 1845, the editorial office of *Russkii Invalid*, the official newspaper of the Committee on the Wounded, and later of the Ministry of War, received the manuscript of the article "From a Letter to Moscow," which described in

³⁷ *Archives of Prince Vorontsov* [in Russian], bk. 40, *Letters to Prince M.S. Vorontsov from Counts K.V. Nesselrode and A.F. Orlov* (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1895), 499–500.

³⁸ S.V. SamoiloVA, "Count M.S. Vorontsov in the Socio-Political Life of Russia in the First Quarter of the 19th Century" (PhD thesis, Moscow State University, 1995), 19.

³⁹ M.A. Korf, *Notes* [in Russian] (Moscow: Zakharov, 2003), 115.

detail the solemn reception of the Caucasian viceroy at the English Club of the capital. The article was not allowed to be published personally by the emperor, who saw indecent expressions in the speeches delivered at the festival. For instance, General N. Plautin expressed

a general feeling of gratitude that despite both his age or his hard work, from which he would now have the right to retire, the Count (M. Vorontsov. – A. U.) again decided to enter the vast field of military labor, as soon as the general trust expressed by the sacred will of the monarch appealed to him.⁴⁰

Opposite these words, Nicholas I wrote: “Completely indecent; I can thank, but no one else.”⁴¹

The appointment of M. Vorontsov, who was popular and well-known in society, to the Caucasus and the fall of M. Posen,⁴² who was hated by many, attracted public attention to the events on the southern outskirts of the empire. This is noticeable in the increased number of items about the Caucasus in the Russian periodical press after 1845, in particular in the *Moskovskie vedomosti* (see the chart below⁴³).

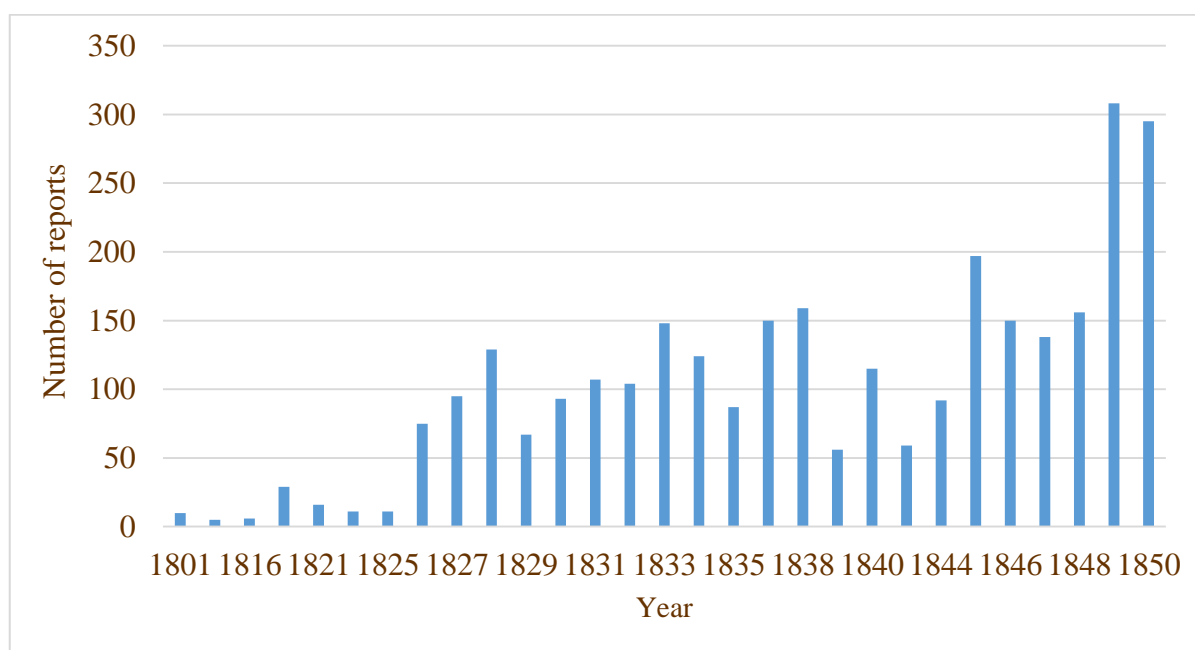

Figure. The Caucasus and the Caucasian War in the items of *Moskovskie vedomosti*, 1801–50

⁴⁰ I.I. Uspenskii, *Send-off of Count M.S. Vorontsov to the Caucasus* [in Russian] (Stavropol: Tipografiya Stavropol'skogo gubernskogo pravleniya, 1912), 4.

⁴¹ Uspenskii, *Send-off of Count M.S. Vorontsov*, 5.

⁴² T.F. Litvinova, “Lifetime Reputation and Historiographical Fate of M.P. Posen” [in Russian], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 4 (4) (2014): 44–50.

⁴³ When compiling the diagram, all information that mentioned the Caucasus region was taken into account, including news items about the movement of officers, the highest decrees, departmental announcements, etc. The author thanks E. Saginadze for the information provided.

However, in the second half of 1845, the Russian public discussed not only the pieces in *Moskovskie vedomosti* and other newspapers, but also unofficial information about the failure of the Dargo Expedition, which was distributed in the letters from the officers of the Separate Caucasian Corps, rumors, and conversations.

The plan of the Dargo campaign was developed in St Petersburg with the personal participation of Nicholas I and assumed a decisive blow to the center of Shamil's imamate, the Chechen village of Dargo. It was planned that the highlanders would be forced to surrender and the military operations on the Left flank of the Caucasian line would be completed. In July 1845, M. Vorontsov took Dargo, but Shamil and his murīds were not going to give in. As a result, the Russian detachment was forced to leave Dargo. On the way back, the viceroy's troops suffered heavy losses: out of the 12,000 detachment, 4,000 were killed or wounded, including three generals and dozens of officers.⁴⁴

However, the Dargo expedition was recognized as a great victory in official reports:

You have fully justified my expectations by penetrating the depths of the Dagestan mountains, which have been considered inaccessible before. Having assumed personal command over the main detachment, by your own example of unshakable firmness and dedication, you showed the troops the way to unforgettable feats.⁴⁵

This is what Nicholas I noted in the highest rescript to the Caucasian viceroy. Reports on the campaign and its results in the summer of 1845 were regularly published in the *Russkii Invalid* and were also victorious and triumphant.⁴⁶ The success of the military operation was to be confirmed by generous awards to all of its participants. M. Vorontsov was awarded the title of prince, the officers received promotions and/or orders, and money was given to the soldiers.

At the same time, the opinion about the failure of the military expedition was spreading in Russian society. The capitals did not believe the official information. Moscow talks about the Dargo campaign became the subject of discussion in the correspondence of two old friends, A. Ermolov and M. Vorontsov.⁴⁷

⁴⁴ G.G. Lisitsyna, comp., *The Dargo Tragedy. 1845* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", 2001), 23.

⁴⁵ A.P. Berzhe, ed., *Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 10 (Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1885), 313–14.

⁴⁶ *Russkii invalid*, no. 142, June 28, 1845; no. 152, July 10, 1845; no. 153, July 11, 1845; *Izvestiya s Kavkaza* for 1845. F. 178.1, kar. 11148, ed. 14. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library], Moscow, Russia.

⁴⁷ For more, see M.A. Davydov, *His Majesty's Opposition* [in Russian] (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1994).

They say that it was better not to go to the mountains at all than for the commander-in-chief to put himself in the position of being pursued and surrounded; that the unsuccessful venture is certain to enhance Shamil's glory and give him even greater power; that if the immediate destruction of the village of Dargo was required, it was better to entrust it to one of the generals, and there would still be fear that the main commander himself might come and correct if something had not been done well. It is recklessly said that now the highlanders will be incomparably stronger to resist any of the generals, when their losses, although significant, have inflicted an equally sensitive defeat on us. The narrators expose the loss of three generals, arguing that it could not have happened without a severe defeat. This is complemented by the information, allegedly borrowed from the letters, which does not exist without an explanation. Against all evidence, they say that the spirit you have restored must fall, and that this, of course, is not easy to fix,⁴⁸

A. Ermolov wrote to the viceroy M. Vorontsov on August 31, 1845.

In Ermolov's letters, one can find many indications of the critical attitude of the Moscow public towards the Dargo campaign. For instance, in the letter to N. Muravyov dated October 10, 1845, it was emphasized that “. . . there are few who are surprised by this expedition and admire its results.”⁴⁹

There is no doubt that M. Vorontsov was wounded by distrust of his victorious speeches and had a hard time enduring the sarcastic criticism from A. Ermolov, who did not spare it despite many years of friendship.

The informal discussion of the Dargo campaign, unfavorable for Vorontsov, apparently led the Caucasian viceroy to the idea of active control in the public sphere. A new specialized publication could become a tool for implementing that idea. M. Vorontsov understood well the political importance of the institutions of public press. He read European periodicals, primarily English and French newspapers, every day.⁵⁰

Already in January 1846, the newspaper *Kavkaz* was established on the initiative of M. Vorontsov. It was controlled by the viceroy's office. According to the newspaper's editors, the *Kavkaz* performed two interrelated tasks:

⁴⁸ A.P. Ermolov, *Caucasian Letters, 1816–1860* [in Russian], ed. Ya.A. Gordin (St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2014), 462–63.

⁴⁹ Ermolov, *Caucasian Letters*, 464.

⁵⁰ M. Vorontsov changed this habit only after the outbreak of the Crimean War in 1853. He was shocked by those events and, as his personal physician E. Andreevsky put it, “conceive a hatred for politics.” See *From the Archives of K.E. Andreevsky. Notes of E.S. Andreevsky* [in Russian], vol. 3, ed. S.A. Avaliani (Odessa: Tipografiya aktsionernogo Yuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela, 1914), 353.

it (the newspaper *Kavkaz*. – A. U.) introduces us, Russians, to a curiously rich country, about which we seem to know less than about America, and with which, however, fate has bound us by indissoluble bonds of brotherhood and common benefits; little by little, it spreads the desire for reading among the natives, and it roots purer concepts, a way of thinking and a more educated outlook.⁵¹

It was the *Kavkaz* that was supposed to become the main source of information for Russian society about the events on the southern outskirts. According to journalist I. Slivitsky, who was editor-in-chief of the *Kavkaz* in 1852–55,

in general, local newspapers should be viewed as textbooks by which Russia gets acquainted with the Caucasus and Transcaucasia, and textbooks should be written by some experienced teachers.⁵²

The newspaper *Kavkaz* circulated in Tiflis, Odessa, and St Petersburg, which emphasized its status. In addition, other Russian periodicals, including such influential publications as *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, *Moskovskie vedomosti*, and *Russkii Invalid*, reprinted pieces from the issues of the *Kavkaz*.

However, the practice of reprinting articles from *Kavkaz* by metropolitan press was soon limited. On October 24, 1850, Minister of Public Education P. Shirinsky-Shikhmatov ordered St Petersburg's censorship committee to ensure that news of military operations was reprinted by newspapers only after its publication in the *Russkii Invalid*. Contemporaries noted that the information about the same operations of the Separate Caucasian Corps that was published in the *Russkii Invalid* and the *Kavkaz* differed markedly. The *Kavkaz* published the orders of M. Vorontsov, which “sometimes happened to be more detailed and interesting” than the reports of the Minister of War published in the *Russkii Invalid*.⁵³ According to famous St Petersburg journalist P. Usov, the Caucasian viceroy “was paralyzed in relation to the public who did not subscribe to the newspaper *Kavkaz*.”⁵⁴

At the same time, the *Kavkaz* remained available in the capitals. The restrictions were connected with official and hierarchical battles of the Caucasian viceroy with ministers and governors-in-chief⁵⁵ rather than with the intention of the authorities to totally limit public debate.

⁵¹ *Kavkaz*, no. 1. January 3, 1848, 1.

⁵² *Kavkaz*, no. 74. September 20, 1850, 297.

⁵³ P.S. Usov, “From My Memories” [in Russian], *Istoricheskii vestnik*, vol. 12, no. 5 (1883): 367–68.

⁵⁴ Usov, “From My Memories,” 368.

⁵⁵ A.T. Urushadze, “The Other Caucasian War: Caucasian Viceroy vs the Tsar’s Ministers (1844–1853)” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (64) (2019): 31–39.

Thus, the structures of Russia's public sphere under Nicholas I were heterogeneous. The society not only observed the confrontation between the government and the Caucasian viceroy but also had the opportunity to choose various sources of information about the events on the far southern outskirts of the empire. In this regard, the Russian public sphere in the 1830s–50s can hardly be considered as a period of “intensification of centralized propaganda.”⁵⁶ On the contrary, decentralization is noticeable here because even corporate-power confrontations became public.

Russian public debates in the first half to the middle of the 19th century were formed, to a large extent, around the information agenda of European and, above all, French newspapers and magazines. With the outbreak of the Crimean War (1853–56), publications in the French press acquired a militant anti-Russian character. French newspapermen portrayed all opponents of the Russian Empire as heroes who fought against the barbaric and despotic power of Nicholas I. The figure of Imam Shamil attracted the increased attention of French journalists, followed by writers and theater directors. Paul Meurice (1818–1905), a French novelist and playwright known for his friendship with Victor Hugo, wrote the play “Shamyl”, which was staged in the Parisian Saint Martin theatre in 1854 and was popular. The finale of the play was the landing of the Anglo-French assault force on the Black Sea coast of the Caucasus and its connection with Shamil's army. It is known that Shamil really counted on a successful allied offensive in the Caucasus, and such a development of events was, in fact, the only hope for the leader of the highlanders to finish the Caucasian War successfully.⁵⁷

The response to the play by P. Meurice and numerous publications in the French press was an extensive article “Shamil in Paris and Shamil A Little Closer” by the editors of the *Kavkaz* E. Verderevsky and N. Dunkel-Welling.⁵⁸ As the authors noted, “the entire work was devoted to the detailed and patient exposure of the lies on which the ridiculous shamilemania of the West was based.”⁵⁹

The article by E. Verderevsky and N. Dunkel-Welling, published in Russian, was intended for the Russian public. According to its authors, “Shamil A Little Closer” was supposed to become an antidote against the French “shamilography.” The article must have been received by the public well, which is evidenced by its separate publication in 1855 in the form of a brochure as well as positive reviews. “So, the brochure provides real information about Shamil and refutes the lies that circulate in

⁵⁶ Atnashev, Vaizer, and Velizhev, *Imperfect Public Sphere*, 50.

⁵⁷ N.I. Pokrovskii, *The Caucasian Wars and Shamil's Imamate* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 452–67.

⁵⁸ *Kavkaz*, no. 95–100, December 4, 8, 11, 15, 18, 22, 1854. The article was published as a separate edition later (E. Verderevskii, and N. Dunkel-Welling, *Shamil in Paris and Shamil A Little Closer* [in Russian] (Tiflis: Tipografiya Kantselyarii namestnika kavkazskogo, 1855).

⁵⁹ *Kavkaz*, no. 95, December 4, 1854, 385.

Paris, and does both things satisfactorily,”⁶⁰ N. Nekrasov, the editor of the *Sovremennik*, wrote in a short review.

The peak of public discussion of the Caucasian War occurred in the 1860s. That was due to the visible evidence of the success of the Separate Caucasian Corps (the Caucasian Army after 1857), the capture of Shamil in 1859, and the fact that the post of Caucasian viceroy was taken by Grand Duke Mikhail Nikolaevich. Only one other outskirt was awarded such an honor. It was Poland, where viceroys were Grand Duke Konstantin Pavlovich (1826–30) and Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1862–63).

In 1860, D. Romanovsky, an officer of the General Staff who served in the Caucasus in 1852–58, delivered a series of public lectures on the Caucasian War in the St Petersburg’s Passage.

The persistent war that our Government has been waging in the Caucasus for so many years attracted general attention long ago. Recent glorious success has lent this war a special, lively interest. Meanwhile, shortage of information about the Caucasus is still very noticeable,⁶¹

D. Romanovsky noted in the introductory lecture. Romanovsky’s lectures attracted the attention of the public and were described in detail in the press.⁶² In the same year, the lectures were published in a separate edition.

At the beginning of 1861, veterans of the Caucasian War gathered in St Petersburg for the first time for a “Caucasian evening”, which was dedicated to memories of service on the southern outskirts. Subsequently, these meetings began to be held annually (February 4), General V. Kozlovsky was chosen honorary chairman and presided over the evenings until his death in 1873.⁶³

A notable event was the publication of “Letters from the Caucasus” by R. Fadeev, which were published in the *Moskovskie vedomosti* in 1864–65, and then came out as a separate book.⁶⁴ R. Fadeev fought in the Caucasus in the 1840s–50s and from 1859 on, he was the closest colleague of the Caucasian viceroy A. Baryatinsky. It was

⁶⁰ N.A. Nekrasov, *Complete Collection of Works and Letters* [in Russian], vol. 11, bk. 2, *Criticism, Journalism 1847–1869* (Leningrad: Nauka, 1990), 126–27.

⁶¹ D.I. Romanovskii, *The Caucasus and the Caucasian War. Public Lectures Delivered in the Passage Hall in 1860* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1860), 1–2.

⁶² T.A. Kolosovskaya, “The Caucasus in Service Biography and Historical and Literary Heritage of Lieutenant General D.I. Romanovsky (1825–1881)” [in Russian], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 42–49.

⁶³ L.G. Zakharova, ed., *Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862* [in Russian] (Moscow: Redaktsiya al'manakha “Rossiiskii Arkhiv”, 1999), 37–38.

⁶⁴ R.A. Fadeev, *Letters from the Caucasus to the Editor of “Moskovskie Vedomosti”* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova, 1865).

R. Fadeev who introduced the name “Caucasian War” to designate various military conflicts on the southern edge of the empire that took place after the annexation of Eastern Georgia in 1801.⁶⁵

In “Letters from the Caucasus”, R. Fadeev not only provided information about the events of the Caucasian War but also presented to the public its military strategic justification, the imperial ideology of that military conflict, the longest in Russian history. According to Fadeev, the struggle for the Caucasus was part of a larger geopolitical confrontation between Russia and other leading European powers, Britain and France in particular. The region could not remain politically independent, and if a rival empire had established dominance there, the entire southern border of the Romanov’s state would have been under constant threat.

The public’s attention was not focused on the Caucasus and the history of the Caucasian War for a long time. The grandiose events of the Great Reforms, political terror and, finally, the natural withdrawal from the public sphere of many veterans of the conquest of the Caucasus pushed the Caucasian War to the periphery of public attention. D. Milyutin recalled, “After the final pacification of the Caucasian region, the former sympathy for the Caucasus noticeably reduced.”⁶⁶

Conclusion

The Caucasian War took a special place in the Russian public sphere. The discussion of the events of the military-political confrontation on the southern outskirts of the empire unfolded in parallel with the accumulation of scientific information about the ethnography, economic and legal structure of the region. In the absence of reliable historical descriptions, literary works were the most important navigator in the history and modernity of the region engulfed by war. They contributed to the formation of a romantic image of the Caucasus and the Caucasian War, which defined the framework for understanding and recognizing the region and its everyday life for many years. Until the 1840s, the Russian government did not make any noticeable restrictive interventions in the discussion of the issues related to the Caucasian War in the public sphere. The main constraint was the lack of information and news, which could be explained, among other things, by difficult logistics and the lack of appropriate infrastructure.

The dynamics of the discussion of the Caucasian War in the Russian public sphere was directly influenced by government policy towards the southern outskirts and changes in its course. The establishment of the viceroyalty and the appointment of M. Vorontsov as the Caucasian viceroy led to the intensification of public discussion of the Caucasian War. Subsequently, the official-hierarchical confrontation between

⁶⁵ R.A. Fadeev, *Sixty Years of the Caucasian War* [in Russian] (Tiflis: Voенно-Pokhodnaya Tipografiya Glavnogo Shtaba Kavkazskoi armii, 1860).

⁶⁶ Zakharova, *Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin*, 38.

the viceroys and ministers found its expression in the public sphere, where the communications about the events of the Caucasian War were variously broadcast by the regional and central press.

The Russian public sphere was a space of competition of various official actors for socio-political influence. That competition became particularly intense in the conditions of the inseparability of society and the state, characteristic of the Russian Empire, where most representatives of the ruling noble corporation had several social valences: officials during the day and members of high society salons at night. The Russian public sphere of the 19th century was an informal continuation of formal policy, as can be seen from the example of the interaction of society and the Caucasian War.

Список литературы

Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. Москва: Дело, 2022. 664 с.

Гатагова Л.С. Образ Кавказа в русском общественном сознании (XVII–XIX вв.) // *Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)* / под редакцией В.В. Трепавлова. Тула: Гриф и К; Москва: Институт российской истории РАН, 2011. С. 153–199.

Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.

Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 191 с.

Даргинская трагедия. 1845 год / составитель Г.Г. Лисицына. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. 612 с.

Демченко А.А. «Отечественные записки» и цензура 1840-х – 1880-х гг. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2012. № 4 (68). С. 119–123.

Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / составители Я.А. Гордин и др. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2011. 376 с.

Колосовская Т.А. Кавказ в служебной биографии и историко-литературном наследии генерал-лейтенанта Д.И. Романовского (1825–1881) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2021. № 2. С. 42–49.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 400 с.

Литвинова Т.Ф. Прижизненная репутация и историографическая судьба М.П. Позена // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки.* 2014. № 4 (4). С. 44–50.

Муравьева О.С. Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // *Литературный факт.* 2022. № 4 (26). С. 140–182.

Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / составители Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 744 с.

Патракова В.Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX века // *Essequamvideri*. Вып. 2. Памяти Ю.И. Серого (1922–1986) / под редакцией А.В. Лубского, В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. С. 148–160.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 511 с.

Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. 556 с.

Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России первой четверти XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1995. 22 с.

«Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / под редакцией Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). Москва: Восточная литература, 2000. 210 с.

Сулаберидзе Ю.С. Восприятие Кавказа декабристами: культурный тип декабриста на Кавказе // *Исторический курьер*. 2020. № 6 (14). С. 53–71.

Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: кавказский наместник vs царские министры (1844–1853) // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 3 (64). С. 31–39.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / перевод с немецкого В.В. Ивановой. Москва: Весь мир, 2016. 344 с.

Хорошилова О.А. Джентльмен Джек в России. Невероятное путешествие Анны Листер. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 400 с.

References

Atnashev, T.M., T.V. Vaizer, and M.B. Velizhev, comps. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [Imperfect public sphere. History of publicity modes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. (In Russian)

Davydov, M.A. *Oppozitsiya Ego Velichestva* [His Majesty's opposition]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1994. (In Russian)

Demchenko, A.A. “‘Otechestvennye zapiski’ i tsenzura 1840-kh – 1880-kh gg. [*Otechestvennye zapiski* and censorship in the 1840s – 1880s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68) (2012): 119–23. (In Russian)

Dudarev, D.S., and S.L. Dudarev. *Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B, 2017. (In Russian)

Gatagova, L.S. “Obraz Kavkaza v russkom obshchestvennom soznanii (XVII–XIX vv.)” [The image of the Caucasus in the Russian public consciousness (17th–19th centuries)]. In *Obrazy regionov v obshchestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII–XIX vv.)* [Images of regions in the public consciousness and culture of Russia (17th–19th centuries)], edited by V.V. Trepavlova, 153–99. Tula: Grif i K; Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2011. (In Russian)

Gordin, Ya.A. *Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka* [Caucasus: land and blood. Russia in the Caucasian War of the 19th century]. St Peterburg: Zhurnal “Zvezda”, 2000. (In Russian)

Gordin, Ya.A. et al., comps. *Kavkazskie pis'ma A.P. Ermolova M.S. Vorontsovu* [Caucasian letters from A.P. Ermolov to M.S. Vorontsov]. St Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, 2011. (In Russian)

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society], translated from German by V.V. Ivanova. Moscow: Ves' mir, 2016. (In Russian)

Khoroshilova, O.A. *Dzhentl'men Dzhek v Rossii. Neveroyatnoe puteshestvie Anny Lister* [Gentleman Jack in Russia. The incredible journey of Anne Lister]. Moscow. Mann, Ivanov i Ferber, 2022. (In Russian)

Kolosovskaya, T.A. “Kavkaz v sluzhebnoi biografii i istoriko-literaturnom nasledii general-leitenanta D.I. Romanovskogo (1825–1881)” [The Caucasus in service biography and historical and literary heritage of Lieutenant General D.I. Romanovsky (1825–1881)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 42–49. (In Russian)

Lapin, V.V. *Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [Russia's Army in the Caucasian War of the 18th–19th centuries]. St Petersburg: Evropeiskii dom, 2008. (In Russian)

Lisitsyna, G.G., comp. *Darginskaya tragediya. 1845 god* [The Dargo tragedy. 1845]. St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala “Zvezda”, 2001. (In Russian)

Litvinova, T.F. “Prizhiznennaya reputatsiya i istoriograficheskaya sud'ba M.P. Pozena” [Lifetime reputation and historiographical fate of M.P. Posen]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 4 (4) (2014): 44–50. (In Russian)

Murav'eva, O.S. “Rastsvet i razrushenie svetskikh literaturnykh salonov ‘zolotogo veka’” [The rise and fall of high literary salons in the “Golden Age”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26) (2022): 140–82. (In Russian)

Nechkina, M.V., ed. *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* [Decembrists. A biographical reference book]. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)

Nikitenko, A.V. *Dnevnik* [Diary]. 3 vols. Vol 1, 1826–1857. Edited by N.L. Brodskii et al. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. (In Russian)

Patrakova, V.F. “Kavkazskaya voina v obshchestvennom soznanii Rossii pervoi treti XIX veka” [The Caucasian War in the public consciousness of Russia in the first third of the 19th century]. In *Essequamvideri*, iss. 2, *Pamyati Yu.I. Serogo (1922–1986)* [In memory of Yu.I. Seryi (1922–1986)], edited by A.V. Lubskii, and V.V. Chernous, 148–60. Rostov-on-Don: Antei, 2013. (In Russian)

Pokrovskii, N.I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilya* [The Caucasian wars and Shamil's imamate]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000. (In Russian)

Pypin, A.N. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Social movement in Russia under Alexander I]. St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001. (In Russian)

Samoilova, S.V. “Graf M.S. Vorontsov v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii pervoi chetverti XIX veka” [Count M.S. Vorontsov in the socio-political life of Russia in the first quarter of the 19th century]. PhD thesis, Moscow State University, 1995. (In Russian)

Soplenkov, S.V. *Doroga v Arzrum: rossiiskaya obshchestvennaya mysl' o Vostoke (pervaya polovina XIX v.)* [A journey to Arzrum: Russian social thought about the East (first half of the 19th century)]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. (In Russian)

Sulaberidze, Yu.S. “Vospriyatie Kavkaza dekabristami: kul'turnyi tip dekabrista na Kavkaze” [The perception of the Caucasus by the Decembrists: Decembrist cultural type in the Caucasus]. *Istoricheskii kur'er*, no. 6 (14) (2020): 53–71. (In Russian)

Urushadze, A.T. “Drugaya Kavkazskaya voina: kavkazskii namestnik vs tsarskie ministry (1844–1853)” [The other Caucasian War: Caucasian viceroy vs the tsar’s ministers (1844–1853)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (64) (2019): 31–39. (In Russian)

Vakhtin, N.B., and B.M. Firsov, eds. “*Sindrom publichnoi nemoty*”: *istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii* [“Public muteness syndrome”: history and modern practices of public debate in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. (In Russian)

Voloshina, S.M. *Vlast' i zhurnalistika. Nikolai I, Andrei Kraevskii i drugie* [Power and journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky and others]. Moscow: Delo, 2022. (In Russian)

Информация об авторе

Амиран Тариелович Урушадзе – кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>, aurushadze@eu.spb.ru, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (д. 16, ул. Софьи Ковалевской, 620108 Екатеринбург, Россия); доцент, декан факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия).

Author information

Amiran T. Urushadze – Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>, aurushadze@eu.spb.ru, Senior Research Fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, ul. Sof'i Kovalevskoi, 620108 Yekaterinburg, Russia); Associate Professor, Dean of the Department of History, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 08.11.2023.

The article was submitted 14.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 08.11.2023.